

Ю.В. МЕЛЯКОВА, канд. филос. наук, асистент, НЮАУ ім. Ярослава Мудрого

ПРОБЛЕМА ЧАСУ В ЛОГІЦІ ІСТОРІЇ

У статті загострюється темпоральна проблематика в кордонах логіки історії. Вона торкається конфронтації між часом події, нарації й сприйняття історичного наративу. Уникнення цієї конфронтації виявляється можливим за допомогою освоєння техніки ігор з часом. Вільний рух знаків, вже не репрезентуючих зміст, а лише відтворюючих жести історії, відбито в деконструктивістській логіці серіацій копій і симулякрів. Стверджується нова, динамічна модель вираження історії, яка не задає смислів, але забезпечує їх народження та відкриття імовірнісних істин в результаті зіткнення численних контрфактів, що відбувається вже за межами цілісного переживання часу.

Ключові слова: історичний наратив, одиничний досвід історії, технологія сприйняття історії, колажні конструкції, конфігурація історичного часу.

В статье заостряется темпоральная проблематика в пределах логики истории. Она касается конфронтации между временем события, наррации и восприятия исторического нарратива. Избежание подобной конфронтации представляется возможным при помощи освоения техники игр со временем. Свободное движение знаков, уже не репрезентирующих смысл, но лишь воспроизводящих жесты истории, отражено в деконструктивистской логике сериаций копий и симулякров. Утверждается новая, динамичная модель выражения истории, которая не задаёт смысл, но обеспечивает их порождение и открытие вероятностных истин в результате столкновения многочисленных контрфактов, что осуществляется уже за пределами целостного переживания времени.

Ключевые слова: исторический нарратив, единичный опыт истории, технология восприятия истории, коллажные конструкции, конфигурация исторического времени.

Timely problems in circumscriptions of history are pointed in this article. It touches on the confrontation between the time of event, the narration and understanding the historical narration. It's possible to avoid such confrontation with the help of assimilation of the technics of the time games. The free movement of symbols which don't represent any sense, but only show the gestures of history, is reflected in the deconstructive logic of the serie of duplicates and simulacres. A new dynamic model of expression of history is confirmed, it doesn't provide any sense but insures both its appearance and the discovery of probable truths as a result of an impact of numerous counter-facts. It proceed beyond limits of the whole experienced period of time.

Keywords: historical naration, single historical experience, technology for perception of history, collide constructions, configuration for historical time.

Філософський підхід забезпечує розробку спеціальної логіки історії, з одної сторони, розрешаючої принципіальні противоречия в області гносеології, то єсть теорії познання взагалі, в її примененні к історическому знанню, а з другої сторони, рассматриваючої чисто техніческие вопросы понимания истории. Так, в герменевтической логике истории находят свое особое решение проблемы единичного и общего, необходимого и случайного, возможного и действительного, причины и

следствия, сходства и подобия, пространства и времени. Гносеологические и онтологические вопросы философии истории во многом решаемы благодаря учёту темпоральной логики, которая изменяется.

Актуальность. Существенным аспектом логики истории является логика времени. Становление логики понимания истории не представлялась бы возможным без продвижения в области темпоральной проблематики, затрагивающей в рамках логики истории конфронтацию между временем события, наррации и восприятия нарратива, разрешение которой оказывается возможным посредством освоения техники игр со временем. Данная техника находит сегодня реализацию в реконструировании семиотических и несемиотических моделей, семантической логике произвольных суждений, передающей логику вероятностных смыслов.

Степень изученности проблемы. Современный способ бытия человека в мире требует изменения отношений с прошлым и пересмотра методов его постижения. Особым направлением современной логики истории выступает логика времени. Технология интерпретации истории не может рассматриваться вне связи с понятием «время». Логико-философский подход к этому понятию представлен у Г. фон Вригта, О. Ивина. Онтологический аспект исторического времени рассматривается М. Хайдеггером, Ж.-П. Сартром, К. Ясперсом, М. Элиаде, Э. Левинасом, Ж. Делёзом, М. Бланшо. О сюжетно-фабульных манипуляциях со временем в исторических произведениях, а также опыте конфигурации времени в бесструктурных произведениях литературы постмодерна писали П. Рикёр, Т. Элиот, З. Шмидт, М. Бахтин, Ю. Лотман. Закономерности и принципы исторической интерпретации, проблема понимания истории были раскрыты в герменевтической логике Хладениуса (в пер. пол. XVIII ст. он впервые определил само историческое познание как познание «вещей единичных»), а у Г. Шпета и Н. Кареева обнаружили свою тесную связь с семиотикой, через структурирование знаков, открывающей путь к структурированию понятий.

Цель исследования: развить логический аспект философской интерпретации истории, сконцентрировав внимание на *логике исторического времени*, возможности рефигурации которого открываются посредством использования приёмов семантической логики исторического нарратива.

В XVIII в. как схоластическая, так и рациональная логика истории сконцентрировали своё внимание на проблеме единичного и универсального опыта. Будем сходить из анализа определения опыта, данного Х. Вольфом, которое гласило, что опыт есть то, что мы познаем, когда обращаем внимание на свое восприятие [11, с.269]. По смыслу этого определения, внимание просто превращает наше восприятие в опыт. В действительности же роль внимания сводится к тому, что мы достигаем большей ясности

восприятия или из целого представления выделяем частное понятие. Таким образом, опыт есть ни что иное, как общее положение, складывающееся на основании нескольких сходных или даже одного восприятия. На базе этого Г. Шпет сделал следующее заключение: во-первых, кто обращается к опыту, должен иметь, по крайней мере, один случай или одно восприятие, которое приводило бы к нему; во-вторых, это восприятие не есть сам опыт, а только основание его; в-третьих, просто внимание к восприятию еще не выражает опыта [11, с.269]. В случае постижения исторического опыта дело осложняется тем, что событие, обеспечившее возможность такого, само по себе не достигаемо в модусе реального бытия. При этом, однако, очевидно, что путь, ведущий к опыту, все же проходит через восприятие (поскольку опыт основывается на восприятии). Так, проблема опыта истории переносится в плоскость *технологии восприятия* ее. Есть все основания полагать, что для освоения исторического опыта необходимы определенные эксперименты с восприятием, которые позволили бы этому опыту проявиться вновь, пусть в качественно ином, индивидуальном виде, что не мешало бы обнаружить телесность истории. Разработке подобных экспериментальных приемов восприятия как раз и служат современные технологии воспроизведения информации, развивающие особую способность субъективного восприятия. В целом, в истории герменевтики Нового времени особенно влиятельными оказались два учения о логике исторического познания: историческая индукция Хладениуса (логика объективной истории) и психологическая интерпретация В. Дильтея (логика субъективной истории жизни) [5].

В XIX в., согласно учению Дильтея, субъективные переживания не могут оцениваться посредством формально-логических значений истинности и ложности, но они имели значение правды и неправды. Логика понимания индивидуальной жизни представляла собой особого рода индукцию, основанную на истолковании отдельных переживаний как фактов субъективного опыта, которые соотносятся по аналогии и являются основанием для перехода к целостному пониманию мира. Нелинейный переход от посылок к заключению, выводу (т.е. пониманию) обусловлен неучтенным иррациональным характером бессознательного, который был определен Дильтеем как «человеческий остаток», влияющий на весь ход истории духа. Вероятностный характер вывода обусловлен субъективной достоверностью индивидуального опыта [7]. Дильтей указывал на тесную связь в развитии герменевтики и исторической методологии [6].

Г. фон Вригт выделяет в логике времени две точки зрения на ее объект. Первая сосредоточивает интерес на порядке темпоральных событий. Она ставит такие вопросы: является ли темпоральный порядок линейным или

только транзитивным, возможно, ветвящимся в различных направлениях или же вовсе круговым, возвращающимся снова и снова к исходной точке? Вторая точка зрения логика на время касается того, что Вригт называет «природой временной субстанции» [2, с.515-519]. Проблемы, возникающие здесь следующие: является ли время дискретным или бесконечно делимым и, если верно последнее, то является ли оно компактным и плотным и, возможно, непрерывным? Так или иначе, наиболее оперативной мобилизации, развертыванию и свертыванию время (его структура, временные интервалы) подвергается в пространстве текста. Временная логика в писании и восприятии истории имеет дело главным образом с макроаспектом и вопросами темпорального порядка.

Значительный вклад в развитие логики истории внес Г.В.Ф. Гегель. Многие принципы диалектической логики сохраняют свое значение при понимании нелинейной истории. Так, следуя гегелевским рассуждениям о смысле истории, представленной идеей всеобъемлющего духа, мы, обозревая прошедшее, как бы велико оно ни было, имеем дело лишь с настоящим, потому что прошлое не утратило своей истинности. Для философии прошлое не потеряно, дух бессмертен, а наличествующая, настоящая его форма заключает в себе прежние ступени. История как проявление этого духа содержит в себе самостоятельные ступени, которые развивались одна за другой, но при этом она всегда была в себе тем, что она есть. В этом смысле познание истории предстает как некая *энергийная форма бытия* – у себя бытие – самоосознание, то есть осознание самого себя путем открытия через себя той бескрайней и вечной всеобщности – настоящей «глубины духа», о которой говорил Гегель. Эта «глубина» содержит в себе все моменты, оставленные позади [3, с.6-19].

Наблюдения показывают, что одно и то же высказывание может быть как истинным, так и ложным, в том смысле, что его истинное значение изменяется в зависимости от пространственно-временной локализации события. Однако не пространство и время заставляют истинностное значение изменяться, но различия между отдельными частями мира и изменения в одной и той же его части. На основании этого Вригт делает вывод, что имеется тесная связь между временем, изменением (имеется в виду, позиции интерпретатора – Ю.М.) и противоречием [2, с.527-528]. Эта связь выражается в следующем: если бы не было времени, допущение изменения влекло бы допущение противоречия. Говоря метафорически, время есть избавление от противоречия смыслов. Следовательно, текстуальные манипуляции со временем также самым естественным образом отражаются на смысловом содержании этих текстов, влияют на снятие противоречий и парадоксов. Проявляется двойная (точнее, взаимная) зависимость времени от

изменения. Время предполагает изменение эпистемологически, а изменение предполагает время логически. Также можно сказать, что изменение эпистемологически предшествует времени [2, с.529]. Так называемое восприятие времени на самом деле есть восприятие вещей. Таким образом, изменение способа бытия вещи неизбежно влечет за собой изменение способа ее восприятия и восприятия времени, которое при этом распадается на время исторического акта, акта наррации и непосредственно акта восприятия исторического нарратива. Именно так следует понимать развиваемую Вригтом кантовскую идею относительно того, что время есть форма постижения явлений, что в свою очередь говорит о том, что она тесно связана со способом их репрезентации.

М. Бахтин, в конце 30-х годов рассуждавший о формах времени и хронотопа в романе и называвший это «очерками по исторической поэтике», отмечал сравнительную молодость и дальнейшую перспективу развития этой работы по изучению форм времени и пространства в литературе [1]. П. Рикёр в своем труде «Время и рассказ» подверг испытанию повествовательную модель, обозначаемую им как мимесис [8], в различных областях нарративного поля – историческом рассказе, вымышленном рассказе (художественной литературе) и философском произведении [10]. Рикёр ставил перед собой цель обосновать единство человеческой культуры. В последней части своей работы он под заголовком «рассказываемое время» объединяет все три свидетельства, даваемые феноменологией, историей и литературой, о способности повествования «рефигурировать время». Интрига обнаруживает себя в конфигурирующем время акте, в то время, как искомая нами телесность истории, или то, что З. Кракауэр называл «реанимируемой физической реальностью», проявляется в непрекращающемся процессе построения динамичных, коллажных, плоскостных конструкций, нивелирующих в своем пространственном единстве смысловые, ценностные, эпистемологические и хронологические приоритеты составляющих их частей.

Таким образом, если отношение между временем рассказа и рассказываемым временем можно назвать, вслед за Рикером, «игрой со временем», то ставкой в этой игре служит переживание времени, как свидетельствует он сам [10, с.88]. Задача морфологии – выявить соответствие между количественными отношениями времени и отношениями качества времени, связанными с жизнью. Именно время реальной жизни «соопределяется» отношением и напряжением между двумя временами рассказа (наррации и восприятия нарратива) и обусловленными ими «законами формы». Современное экспериментирование в области нарративных техник затрагивает опыт времени. Правда, в этом экспериментировании сама игра

превращается в ставку. При этом очевидно, что полярность переживания времени и восприятия временного каркаса нарратива неустранима.

Невоспринятое в восприятии и есть очаг события, меняющий наше отношение к самому акту восприятия. Цель восприятия – выявить недоступное ему, это и будет событие истории. Категории рассудка умертвляют его, предоставляя в наше распоряжение макет исторического события, сделанный по сходству. Возникает проблема восприятия самого *жеста* истории посредством не одной только способности мышления. По словам В. Подороги, сфера преднаходимого смысла как бы перестает существовать, и мы попадаем в промежуток «нейтрального времени» – туда, где не мы воспринимаем, а где сами оказываемся воспринятыми. И этот пустой временной промежуток нельзя отнести ни к прошлому, ни к будущему, ни к настоящему, мы попадаем в «между-время» события. Событие всегда оккупирует настоящее время, и мы должны понимать его без переходящих друг в друга мгновений настоящего, прошлого и будущего. Не существует настоящего времени как хронологического времени, если оно «занято» событием, другими словами, там, где оно существует, проявляет себя автономно от других времен, оно оказывается временем остановленным, и поэтому как бы не-временем, «между временем». Следовательно, для того, чтобы воспринять событие, мы должны «остановить» момент настоящего в определенной точке и сделать ее чем-то, что не находится во времени – идеальной точкой времени настоящего, где должны идеально существовать все точки прошлого и будущего. «Не-время-во-времени и будет событием», – пишет Подорога [9, с.130]. Таким образом, «со-бытие» – это такое состояние бытия, «попадая» в которое любой наблюдатель становится себе иным, и пока оно длится, продолжается и его становление в Ином – понимание им события.

Дисгармонию вносит привычка измерять историю физическим временем, что и замыкает, ограничивает, исчисляет ее, закликивает в опыте. Время же глобальной истории в некотором смысле надисторично. В этом смысле, Ж. Делез выделяет «три синтеза времени». Прошлое он находит зажатым между двумя настоящими – тем, которое было, и тем, по отношению к которому оно прошло. Что же до самого настоящего, то, открытое будущему, в его ожидании оно образует общее с ним время. Первоначальным синтезом времени, учреждающим жизнь настоящего, которое проходит, является привычка. Основным синтезом времени, учреждающим бытие прошлого (то, что делает настоящее переходящим) – память. В той степени, в какой прошлое вообще элемент, который можно нацелить на каждое прошедшее настоящее, сохраняющееся в нем, это прошлое оказывается «представленным» в актуальном. В целом же, согласно Делезу, активный синтез имеет два соотносимых, хотя и не симметричных аспекта: воспроизведение и отражение,

припоминание и узнавание, память и понимание. При этом отражение включает нечто большее, чем воспроизведение, но это нечто большее – только «дополнительное измерение» (топос), в котором любое настоящее отражается как актуальное, представляя в то же время прошедшее [4, с.106-109].

О времени имеются устойчивые представления, а именно, о его соразмерности, неотвратимости, исчисляемости, поглощаемости или пронцаемости-вмещаемости. Данные, характеризующие его свойства, невольно склоняют к попытке аналогичного топографического взгляда на время, что представляется возможным, особенно если присвоить ему имя хронотоп, что означает «времяпространство». Вольность нашего полагания состоит в том, что время выступает в роли не одного из измерений пространства, а самого пространства – специфического трансцендентного силового поля, наименованного «псевдопространством» (или псевдосферой) благодаря собственному свойству объема: время неизбежно объемлет события фактичности, и, более того, оказывает на них влияние собственной динамикой. Таким образом, можно говорить о «пространственности» времени – времяпространстве, наравне с «пространственностью» фактичной истории – пространством опыта, или опытным пространством. Следовательно, каждый исторический фрагмент дуалистичен в своей одновременной принадлежности время-пространству и опытному пространству, а также несет в себе свойства таковых, как неотъемлемый элемент системы.

Человек выступает в качестве многомерного агента, репрезентанта и реципиента истории, и главное, не только испытующего, но и понимающего ее. При этом индеферентный историк-позитивист, стремящийся к автономии, должен быть заменен деятельным самотождественным деконструктивистом. Деконструирующий интерпретатор пребывает в особом, третьем (после время-пространства и опытного пространства) «пространстве различения», или «междупространстве», единственном позволяющем рефлексировать «пограничность» истории, ее изнаночную сторону. В то же время «промежуточность» положения «де-интерпретатора», стоящего «в расколе» истории, обеспечивает его «открытость другому», «соучастие» в посторонней индивидуальной судьбе. Такое «интер-пространство» делает возможным в своих пределах обмен прошлого и настоящего взаимными имманентными присутствиями.

Мы приходим к **выводу**, что огромное значение темпорального фактора в интерпретации истории подтверждает тот факт, что процессы осмысления субъектом событий прошлого происходят не на онтологическом уровне и не изучаются в соответствующем аспекте (интерпретация истории как способ

бытия), но предполагают глубокое логическое обоснование интерпретационных манипуляций. Выход исследований, проводящихся в рамках философско-исторической герменевтики, в область онтологии и за ее пределы обнаруживается не только при обращении к временной проблематике, но также к лингвистической: через философию языка и *логическую семантику* мы обнаруживаем ирреальное измерение возможных миров – «новую фактичность» истории.

Список літератури: 1. *Бахтин, М. М.* Творчество Ф. Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса [Текст] / Бахтин М. М. — М.: Худож. лит., 1990. — 543 с. 2. *Вригт, Г.-Х. фон.* Логико-философские исследования [Текст] / Вригт Г.-Х. фон; [пер. с англ.] — М.: Прогресс, 1986. — 600 с. 3. *Гегель, Г. В. Ф.* Философия истории: в 14 т. [Текст] / Гегель Г. В. Ф.; [пер. с нем.] — М.; Л., 1935. — Т.8. — С. 3-469. 4. *Делез, Ж.* Различие и повторение [Текст] / Делез Ж.; [пер. с фр.] — СПб.: Петрополис, 1998. — 384 с. 5. *Дильтей, В.* Введение в науки о духе [Текст] / Дильтей В.; [пер. с нем.] // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. — М.: Мысль, 1987. — С. 108-135. 6. *Дильтей, В.* Виникнення герменевтики [Текст] / Дильтей В.; [пер. з нім.] // Філосо. і соціол. думка. — 1996. — №3-4. — С. 167-195. 7. *Кулешов, Л.* 50 лет в кино [Текст] / Л. Кулешов, А. Хохлова. — М.: Искусство, 1975. — 218 с. 8. *Подорога, В. А.* Мимезис [Текст] / В. А. Подорога // Новая философская энциклопедия: в 4 т. /РАН. Ин-т философии. — М.: Мысль, 2000. — Т.1. — С. 571-573. 9. *Подорога, В.* Навязчивость взгляда: М. Фуко и живопись [Текст] / В. Подорога // Фуко М. Это не трубка. — М.: Худож. журн., 1998. — С. 83-138. 10. *Рикёр, П.* Время и рассказ: в 4 ч. [Текст] / Рикёр П.; [пер. с фр.] — Ч. 2: Конфигурация в вымышленном рассказе. — М.; СПб.: Унив. кн., 2000. — 224 с. 11. *Шпет, Г. Г.* История как проблема логики: Критич. и методол. исследования [Текст] / Шпет Г. Г. — Ч.1.: Материалы. — М., 1916. — 476 с.

Надійшла до редколегії: 21.05.09

Рецензент: док. филос. наук, доц. А.Ю. Панфилов

УДК 140.8 : 502 / 504]:37

Н.Б. ГОДЗЬ, канд. філос. наук, доцент, НТУ «ХПШ»

ФІЛОСОФІЯ ТА ЇЇ РОЛЬ У ФОРМУВАННІ НОВОГО ЕКОЛОГІЧНОГО СВІТОБАЧЕННЯ. СУЧАСНИЙ СТАН РОЗВИТКУ ЕКОЛОГІЧНОГО ЗНАННЯ

У статті досліджено низку поглядів на стан розвитку поглядів на предмет та об'єкт екології як дисципліни, наукової галузі та аналізуються як можливості філософії у аналізі предмету та об'єкту сучасної екології, так і подається аналіз змін в уявленні стосовно самого поняття «Екологія».

Ключові слова: екологія, інтерпретація, неоекологія.

В статье рассматриваются научные теории на состояние развития взглядов на предмет и объект экологии как дисциплины, экологии как отрасли научного знания и анализируются как возможности философии в анализе предмета и объекта современной экологии, так и подается анализ изменений относительно интерпретации самого понятия «Экология».